

Методика и техника социологических исследований

1991 г.

И.Ф. ДЕВЯТКО

ИЗМЕРЕНИЕ УСТАНОВКИ: СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

ДЕВЯТКО Инна Феликсовна — научный сотрудник ИС АН СССР, специалист в области методологии социологических исследований. Неоднократно печаталась в нашем журнале.

Социальные обследования, возникшие первоначально как некоторое «научное обоснование» социальных реформ [1,2], к началу 30-х годов столкнулись с необходимостью выработки строгих критериев собственной научности. Возникла потребность перехода от эклектической практики сбора эмпирических данных о мнениях, намерениях и поведении людей с использованием муниципальной статистики, опросов экспертов и представителей «элиты» и наблюдения условий жизни к прямым и стандартным способам измерения «субъективных показателей». Однако неразработанность проблем выборки и измерения и отсутствие четкой концепции понятий «установка» и «мнение» делали эти первые попытки весьма уязвимыми для критики. Эта критика исходила, прежде всего, со стороны академической науки, не имевшей практики столь широкомасштабных исследований «реальной жизни», но обладавшей сложившимися канонами эмпирического обоснования научного вывода. Весьма показательна позиция, сформулированная еще в 1926 году на собрании научного общества экспериментальной психологии:

«Решено что это собрание осуждает возрастающую практику сбора административных или мнимо научных данных посредством вопросников, и что собрание в особенности порицает практику, когда аспиранты предпринимают исследования, рассылая вопросники профессиональным психологам» [3, цит. по:

' Разумеется критика «академических пуристов» не могла положить конец традиции обследований и опросов, которая в начале 30-х годов имела и сложившийся «социальный заказ», и разветвленную систему финансовой поддержки (зачастую более основательную, чем академическая наука). Поборники социальных обследований продолжали использовать любые доступные данные индивидуального уровня (установки, мнения, факты поведения), при этом теоретическая интерпретация фокусировалась на понятии «установка». Именно к началу 30-х годов нашего столетия стала складываться собственно социологическая традиция измерения субъективных переменных, отличная от традиции психологического измерения, хотя и испытывавшая со стороны последней очень большое влияние. При этом первой областью дифференциации социологической и психологической парадигм измерения стали исследования уста-

новки.
Если оставить в стороне раннюю предысторию понятия установки в психологии (например, «моторная установка» Н. Ланге и Т. Рибо, «установка

сознания" в работах психологов вюрцбургской школы), то появление в социаль-Яот психологии и социологии термина "установка" (attitud) в значении, близком к современному, связано с именем У. Томаса, который в совместной с Ф. Знанецким работе «Польский крестьянин в Польше и Америке» (1918—1920) ввел общее понятие установки как состояния сознания, выражающегося в потенциальной активности по отношению к ценностным объектам. Вокруг точной дефиниции этого понятия уже в 20-е и 30-е годы развернулась бурная полемика, освещение которой не входит в нашу задачу¹. Заметим лишь, что если в социальной психологии большое значение придавалось поведенческим и познавательным компонентам установки, то в социологических дефинициях основным чаще оказывался эмоционально-оценочный компонент (примером может служить определение установки у Терстоуна, понимавшего ее как уровень напряженности позитивных или негативных чувств, связанных с объектом установки). Основным, однако, было не различие в дефинициях, а различие в исследовательских подходах и процедурах. Психологи были наследниками экспериментальной традиции и, будучи чрезвычайно требовательны к соблюдению ее норм, вместе с тем мало заботились о подобии мира лаборатории реальному социальному контексту. Социологи же, особенно те из них, кто работал вне университетских кампусов, были весьма нечувствительны к достоинствам экспериментального метода и ощущали, что, невзирая на все недостатки, массовые опросы позволяют получать данные о группах, субкультурах и их влиянии на личность. На внешнем, процедурном уровне различие проявлялось в технике измерения, выборе респондентов (испытуемых) и условий проведения исследования, а также в предпочтении тех или иных индикаторов.

Отличительными особенностями психологического подхода к измерению установок в 20—30-е годы было использование данных вопросников, допускающих квантификацию, студентов-испытуемых в приближенных к лабораторным условиям классной комнаты и декларируемых мнений в качестве индикаторов установок. Социологи больше были ориентированы на использование интервью и методов «анализа случая», поиск различий между субкультурными группами (а не индивидами), проведение полевых исследований различных реальных общностей (а не студенческих групп в аудитории) и учет поведенческих индикаторов установки наряду с вербальными.

В психологии в эти годы появилось огромное количество работ по измерению установок. Их авторы, с одной стороны, стремились ввести квантификацию в исследование субъективных смыслов и таким образом создать серьезную альтернативу радикальному бихевиоризму, а с другой стороны — расширить сферу применения психометрического подхода и теории тестов. В психологических исследованиях установок испытуемыми обычно оказывались студенты. В обзоре Г. Мерфи, Л. Мерфи и Т. Ньюкома, опубликованном в 1931 году, из 55 исследований установок лишь 5 были проведены вне колледжа со взрослыми испытуемыми, а в 45 исследователи имели дело исключительно со студентами [7]. В классическом обзоре 1935 года [5] Гордон Олпорт практически не упоминает, что основная часть анализируемых им исследований проводилась на студентах или школьниках. При этом студенты рассматривались не как специфическая группа, а как представители «людей вообще». Среди причин этого положения вещей для нас наиболее существенны следующие: 1) психологи обычно использовали более сложные инструменты измерения и более точные гипотезы в условиях, близких к лабораторному эксперименту по степени контроля; 2) это, в свою очередь, требовало стандартных процедур и высокой готовности к сотрудничеству со

¹ Детальный обзор подходов к определению понятия «установка» можно найти, например, в [4, 5; 6].

стороны исследуемых. Так как описание результатов должно было соответствовать канонам экспериментальной традиции и включать сведения о надежности и валидности, испытуемые должны были быть досягаемы для повторных процедур и обладать достаточно высокой грамотностью, компетентностью и навыками саморефлексии. Кроме того, существенным фактором была и «дешевизна» экспериментов со студентами-испытуемыми. Хотя крупные фонды начали финансировать проекты в области социальных наук еще в 10-е — 20-е годы, субсидии были невелики (а иногда исследования финансировались самими учеными из собственного кармана) [I, P. 59, 8]. В социально-психологической традиции исследования установок в рассматриваемый период основывались на косвенных индикаторах — высказываемых мнениях. Хотя многоуровневость структуры установок и нелинейность связи установок и мнений осознавались достаточно отчетливо, психологи в меньшей мере, чем социологи, склонны были сомневаться и в валидности своего измерительного инструмента, и в онтологическом статусе самого измеряемого конструкта, то есть установки. Социологи же довольно часто подвергали сомнению обоснованность этих предположений².

Своеобразие социологического подхода к измерению определялось не только теоретическими представлениями о предмете и методах социологии, но и конкретными особенностями профессионального сообщества и сложившимися в первой трети века типами исследовательской практики. Прежде всего, в подготовке профессиональных социологов количественные методы и основы математической статистики играли роль факультативных элементов. «Количественной» стороной американской академической социологии занимались преимущественно демографы и отдельные специалисты в области статистики. Экспериментальная традиция с ее «культу» квантификации в социологии (в отличие от психологии) отсутствовала. Как отмечает Дж. Конверс, «большинство социологов, начавших интересоваться установками, еще недостаточно владели количественными техниками. Они склонны были работать интуитивно с неструктурированными интервью, без стандартных опросников или бланков интервью, используя жизнеописания (письменные или устные), дневники, письма и другие личные документы о качественных сторонах жизни» [I, P. 59—60]. Некоторые социологи стремились интегрировать качественные и количественные методы исследования, полагая, что основанные на качественных данных гипотезы могут быть подкреплены строгой статистической проверкой на более обширном материале (Э. Берджесс, У. Огберн, С. Райс). Однако препятствием здесь являлась сама природа данных, доступных социологу. Стандартные методы практически отсутствовали, проблема выборки до середины 30-х годов не имела даже теоретического решения (строгое обоснование основ современного выборочного метода в социологии было дано Ежи Нейманом лишь в 1934 году, а в практику социологических исследований идея вероятностной выборки и стратификации прочно вошли лишь в 40-е годы³). Социологи, и особенно те из них, кто разделял методологические представления Чикагской школы, стремились к исследованию естественных групп и общностей в условиях «реального мира». Это делало невозможным механическое заимствование идей экспериментального контроля, стандартизации и квантификации из других пове-

²Наиболее последовательной критик исследования индивидуальных мнений и установок в эмпирической социологии были подвергнуты представителями критической социологии. Однако произошло это позднее, в 50-е годы (см., например: [9, 10]).

³Огромную роль в распространении идей репрезентативной выборки сыграла группа социологов, многие из которых учились в Колумбийском университете у Ф. Гиддингса (в Колумбийском курсе дескриптивной статистики был введен в 1890-е годы [11]). Это прежде всего Стюарт Райс, организовавший Комитет по правительственной статистике и информационным услугам, Сэмюел Стауффер, работавший в Комитете в середине 30-х и прошедший стажировку по статистике в Англии, а также У. Огберн, Ф. Росс, Г. Одум, С. Чэпин и др.

денческих наук. Названные идеи в этот ранний период могли быть воплощены лишь при условии отказа от изучения естественных групп и общностей, субкультур, проблематики культурной детерминации личности. Социологов же интересовали именно "труднодоступные" общности и носители установок — эмигранты, бродяги, делинквенты и т.п. В силу этой заинтересованности основными методами сбора данных были включенное наблюдение, нестандартизованное интервью, не подразумевавшие детальной регламентации процедуры и строгого следования нормам «опытной науки». Р. Лапьер, изучавший расовые установки французов и англичан, путешествовал, завязывая разговоры с попутчиками в вагонах первого, второго или третьего класса, с посетителями ресторанов. При этом различия были настолько сильны, что немисливо было задать англичанину тот же «стандартный» вопрос, что и французу, например пригласит ли он негра в свой дом. Приходилось жертвовать стандартизацией условий и сопоставимостью (а значит, и возможностью классификации, табулирования и квантификации) и спрашивать, допустимо ли, когда черные и белые дети играют вместе. В целом, к концу 20-х годов социологи были склонны использовать разные типы индикаторов установок: данные личных наблюдений за естественным поведением (как в полевых исследованиях Чикагской школы); статистический анализ объективных «нереактивных» показателей поведения — данных голосования, публикаций в прессе и т.п. (пионером здесь был Стюарт Райс [12]); методы «анализа случая» и данные личных документов (Э. Богардус, Ф. Знанецки и др.); и, наконец, шкалирование установок. Именно в области измерения установок возникла специфическая традиция социологического измерения, отличная от подходов, оформившихся в психологии или эконометрике. Однако эти отличия были следствием не изолированного и недоступного «внешним» влияниям развития, а логически вытекали из переосмысления и творческого заимствования концепций и методов измерения, развивавшихся демографами, экономистами и особенно психологами. История разработки первых шкал установок позволяет понять причины, по которым шкалирование установок приняло разные формы в социологии и психологии [1, Р. 62].

В 1924 году, когда психолог Флойд Г. Олпорт призвал социологов отказаться от преувеличения роли «группового сознания» и попытаться объяснить феноменологию группы с позиций социальной психологии личности, социолог Эмори С. Богардус в том же номере AJS высказал весьма существенные возражения против такого подхода [13]. Если возможно «групповое» заблуждение, то в такой же мере возможно и «индивидуальное», и весьма рискованно измерение индивидуальных свойств, изолированное от группового контекста. Сами установки индивида, его ценностные ориентации и даже личностная идентичность производны от интересубъективных отношений в группе, от «интерсоциальной стимуляции» друг друга членами" группы⁴. Однако эта конкретная дискуссия еще не содержала сколь-нибудь детализированного описания различия в проведении исследований. Это различие стало очевидным позднее, когда вскоре каждый из ученых опубликовал шкалу измерения установок. Как отмечает Дж. Конверс, это событие очень иллюстративно для понимания того, как различия в методологических подходах отразились в исследовательской практике «родственных» дисциплин [1, Р. 62—68].

Богардус, защитивший докторскую диссертацию по психологии в Чикагском университете по влиянию утомления на производственный травматизм

⁴ Интересно отметить, что самая радикальная критика попытки Олпорта представить группу как воображаемый, номинальный «ярлык» и признать «реальными фактами» лишь суждения, касающиеся отдельного индивидуума, содержится в «Основаниях социологии» Дж. Ландберга (именно а той работе, где излагается последовательно операционалистский подход к социологическому измерению) [14, Р. 164—165].

и позднее работавший в университете Южной Калифорнии, испытал сильное влияние Чикагской школы социологов, и особенно У. Томаса. Поэтому всю свою долгую и продуктивную профессиональную деятельность он посвятил преимущественно социологии [15, Р. 158—161]. Олпорт учился в Гарварде и получил основательную подготовку в экспериментальной психологии. Работая в Сиракюзском университете, он занимался социальной психологией и исследованиями установок. Именно Олпорт часто считается одним из основателей «научной», то есть объективной и эмпирически ориентированной социальной психологии.

Богардус изобрел «шкалу социальной дистанции», основываясь на идеях Р. Парка [16]. Хотя шкала была основана на прямых самоотчетах о предполагаемом поведении, т.е. респонденты должны были сообщить, как бы они себя повели, а не выразить свои политические убеждения или оценку чьих-то действий, по замыслу автора, она должна была измерять установки по отношению к группам и способствовать анализу структурных отношений, приспособления и конфликтов [17]. Богардус не стремился соотнести установки с личностными чертами (в отличие от Олпорта) и, более того — не считал количественное измерение установок с помощью шкалы сколь-нибудь надежным и самодостаточным. Здесь, как отмечает Дж. Конверс [1, Р. 63], он явно следовал традиции Чикагской школы. Измерения расовых установок с помощью шкалы он дополнял личными интервью с респондентами, чтобы убедиться, что «шкальные» оценки действительно совпадают с мнениями, высказываемыми в более неформальной беседе [18]. И хотя, строя шкалу, Богардус основывался на достаточно отчетливых представлениях о кумулятивности, он не стал непосредственно развивать следующие отсюда идеи об определении положения респондента на одномерном континууме латентного качества (что было сделано позднее Л. Гутманом, принадлежавшим уже к «количественной» традиции в социологии). В редактировавшемся Богардусом журнале «Sociology and Social Research» (исходно — «Journal of Applied Sociology») публиковались статьи по мерам социальной дистанции различных групп (расовых, религиозных, профессиональных, возрастных), но, как отмечает Дж. Конверс, «изрядная часть опубликованных здесь работ была свободной от данных, импрессионистской или концептуальной...» [1, Р. 65]. И этот «эссеизм» был связан не столько с неприязнью к измерению вообще или недостаточной подготовкой в области статистических методов (долгая жизнь шкал «социальной дистанции» явно свидетельствует о высокой методической культуре их создателя), сколько с различием интеллектуальных традиций социологии Чикагской школы и экспериментальной психометрики.

Шкала Ф. Олпорта (разработанная в сотрудничестве с Д. Хартманом) была куда менее проста и предполагала весьма высокую осведомленность в политике со стороны респондентов [19]. В отличие от Э. Богардуса, считавшего, что едва ли может быть надежным измерение, основанное на рефлексии респондентов по поводу своих мыслей, установок и поступков, и довольно настороженно относившегося к прямому измерению «внутренних состояний», Олпорт не только пытался измерить установки через мнения, но и соотнести их с личностными особенностями. Испытуемыми Олпорта были студенты колледжа (и здесь он ориентировался на экспериментальную традицию, в отличие от чикагских социологов, стремившихся изучать естественные группы и ситуации «реального мира»). Высказывания шкалы относились к семи «объектам установки», включая Лигу наций, Ку-клукс-клан и «сухой закон». Очень важной новацией Олпорта было введение экспертной процедуры. Этот прием сыграл значительную роль в возникновении терстоуновского подхода к шкалированию. Судьи (преподаватели колледжа) должны были отобрать и упорядочить от одной крайней позиции к другой высказывания из письмен-

ных сочинений шестидесяти студентов, содержавших их личные мнения. Отдельные шкалы отличались числом градаций и сложностью. Некоторые формулировки были просты («Кулидж прекрасно подходит для президентского поста» в шкале установок по отношению к президенту Кулиджу), некоторые — весьма сложны и пространны (например, высказывания шкалы установок по отношению к распределению богатств). Студенты должны были каждый раз выбрать одно высказывание, лучше всего представляющее их мнение (то есть конструкция шкалы не предполагала кумулятивности). Кроме того, респонденты должны были непосредственно оценить степень определенности и уровень интенсивности, с которой они придерживаются своего мнения (было доказано, что это в действительности одно и то же). Проанализировав распределение мнений и интенсивностей, Олпорт и Хартман заключили, что «атипичные» группы на концах распределения мнений более категоричны в своих суждениях, чем те, кто находится в середине, и что личностные черты представителей «крайних» групп более сходны, чем у представителей «центра».

Работы Ф. Олпорта и Э. Богардуса, знаменовавшие собой ранний этап измерения установок, обострили уже существовавшее в социологии противопоставление монографических «историй случая» и статистически, то есть количественно, ориентированных исследований⁵. Работы Богардуса могли подтолкнуть социологов чикагской традиции к более широкому использованию квантификации, «но сам он, видимо, не имел таких устремлений» [1, Р. 67]. По сути, «психологически» ориентированные работы Олпорта оказались более значимы для дальнейшего развития идей шкалирования, так как именно они послужили непосредственным толчком к созданию Л.Л. Терстоуном шкал, основанных на прямом категориальном шкалировании. История такова.

Ф. Олпорт обратился к Л.Л. Терстоуну, психологу из Чикагского университета, работавшему в области психофизики, за консультацией по проблемам психологического измерения. Последний занимался проблемами абсолютных и дифференциальных порогов ощущения и, остро ощущая кризисное состояние классической психофизики, пытался найти новые подходы к измерению сенсорного континуума. Позднее он оценивал пионерские исследования Олпорта как прямой стимул для своих собственных работ по шкалированию [20]. Заинтересованный идеями Ф. Олпорта, Терстоун решил применить к социальным установкам какое-нибудь из новейших средств психофизического арсенала. Задача заключалась в том, чтобы найти «имманентную» метрику установочного континуума, шкалу с равными градациями.

В арсенале психофизики, уже более полувека занимавшейся сопряжением физического ряда стимулов и сенсорного ряда субъективных восприятий, были достаточно сильные средства косвенного шкалирования. Одним из лучших и новейших средств был метод парных сравнений (стимулы попарно сравниваются друг с другом и дисперсия различения служит критерием размещения стимулов по градациям сенсорного ряда).

Этот метод восходил к классическому методу «постоянного стимула» (использовавшемуся еще Фехнером), который, с точки зрения идеи парных сравнений, оказывался частным случаем с фиксированным уровнем одного из стимулов пары [21]. Особенный интерес здесь представляет то обстоятельство, что, судя по автобиографии Л.Л. Терстоуна [20, Р. 306-307], субъективной целью его первых экспериментов, начатых в Чикаго в 1924 году, была не разработка нового подхода к построению сенсорных шкал, а желание найти «более интересные стимулы» для психофизического эксперимента. Как пишет Терстоун: «Основной проблемой старомодной психофизики была проблема определения

⁵ Своего рода «промежуточную» позицию занимал С. Райс, также занимавшийся в конце 20-х годов измерением установок. Он, хотя и находился под влиянием работы Олпорта и Хартмана, пытался найти «нелабораторные» и объективные меры установок, отличные от мнений (например, результаты выборов).

порога... Едва ли можно было беспокоиться о чем-нибудь более тривиальном. Кого заботит точное определение чьего-то порога при взвешивании грузов? Преподавая этот предмет, я чувствовал, что мы должны что-то сделать с этим абсурдом, вводя более интересные стимулы» [20, Р. 307]. Терстоун использовал в первых своих экспериментах с парными сравнениями два типа стимулов, действительно нетривиальных для традиционной психофизики — преступления, сравнивавшиеся по степени их серьезности, и список пар различных национальностей [22; 23]. В последнем случае испытуемому предлагалось решить, с представителем какой национальности из двух он бы предпочел быть в дружеских отношениях. Сама природа полученных Терстоуном данных стимулировала формулировку определенной теории парных сравнений, что предполагало наличие некоторых содержательных представлений о субъективной метрике и субъективных единицах измерения. Принципиальной особенностью выведенного Терстоуном закона сравнительного суждения была возможность установления субъективной метрики даже при отсутствии физической величины у сравниваемых стимулов. Закон Фехнера, как известно, включал, помимо субъективного (сенсорного) ряда, физический ряд значений стимула. Закон Вебера, послуживший основой для закона Фехнера, в явной форме вообще не включал в себя субъективных значений стимула, но без предположений о субъективной метрике не мог быть проверен. Идеи Терстоуна были действительно новаторскими, как и использованный им экспериментальный метод.

Возвращаясь к просьбе Ф. Олпорта, можно сказать, что круг интересов Терстоуна к тому времени отчетливо сфокусировался на проблемах субъективной метрики и измерения «социальных ценностей». Предложение Олпорта вызвало у Терстоуна двойной интерес. Во-первых, это был еще один шанс «вдохнуть немного жизни и интереса в психофизику, в которой длительное время доминировали тривиальные проблемы поднятия весов и определения порогов». Во-вторых, «распространение психофизических методов на измерение социальных ценностей стало особенно соблазнительным, когда оказалось, что закон сравнительного суждения полностью независим от физических величин стимулов» [20, Р. 310]. В этих обстоятельствах он и опубликовал статью «Установки могут быть измерены» [24], вызвавшую, вместо ожидаемого одобрения, «бурю критики и споров». К моменту ее публикации в психометрической лаборатории Терстоуна уже велись работы по конструированию установочных шкал, исходным материалом которых служили шкалы Ф. Олпорта. В этой статье, описав в общих чертах процедуру построения интервальной шкалы социальных ценностей с помощью метода парных сравнений, ученый отмечает, что кроме такой «рациональной шкалы» существует более простая процедура построения установочной шкалы, позволяющей измерять индивидуальные установки, и описывает общую логику этой процедуры. Первая публикация конкретной шкалы установок по отношению к «сухому закону», суждения которой были взяты из шкалы Олпорта, относится к тому же 1928 году [25], но использованные в экспериментальной процедуре ранги суждений здесь были преобразованы в данные парных сравнений и шкала строилась на основании закона сравнительного суждения.

В проведенном Терстоуном совместно с Чейвом исследовании, посвященном конструированию шкалы установок по отношению к церкви, результаты которого были опубликованы в работе «Измерение установок», вышедшей в 1929 году [26], использовалась уже упрощенная процедура «равнокажущихся интервалов». Причина заключалась в громадной трудоемкости метода парных сравнений. Если бы, например, Терстоун и Чейв применили его к имевшемуся у них списку из 130 высказываний о церкви, то каждому из 300 экспертов пришлось бы вынести 8385 отдельных суждений. При использовании метода равнокажущихся интервалов эксперты сортировали карточки с суждениями по одиннадцати стопкам — от резко негативных по отношению к объекту установки

(Например, к церкви или «сухому закону») до крайне благожелательных. При этом непосредственно в инструкции было отражено очень сильное допущение, касающееся субъективной метрики шкалы, — допущение перцептивного равенства интервалов (фактически, процедура сортировки по субъективно равноудаленным градациям, с точки зрения предполагаемой способности испытуемого осуществлять прямую оценку воспринимаемых различий стимулов, очень близка к разработанным позднее Стивенсом методам прямого шкалирования в психофизике). Наименования давались лишь крайним и средней (нейтральной) градациям. После выявления двойственных (с большим разбросом относительно медианы) и иррелевантных (то есть не измеряющих предполагаемую установку) суждений, оставшиеся получали числовое значение по шкале на основании усредненных оценок экспертов. Результирующая шкала (в случае установок по отношению к церкви она состояла из 45 суждений) не была, конечно, интервальной в строгом смысле слова, но вместе с тем превосходила ординальный уровень измерения и в среднем диапазоне могла считаться шкалой разностей. Удаление или прибавление пункта шкалы не меняло значений других пунктов.

Терстоун и его сотрудники (Ю. Чейв, Х. Смит, Д. Дроба и др.) выполнили в конце 20-х — начале 30-х годов целую серию исследований, посвященных измерению установок. В своей «Автобиографии» Л. Терстоун отмечает в качестве лучшей работы этого периода серию исследований, посвященных влиянию кинофильмов на динамику установок и предвосхитивших многие более поздние работы по изучению эффективности пропаганды. Однако вскоре (в конце 1931 — начале 1932 года) все работы по измерению установок в лаборатории Терстоуна были прекращены. Мотивируя это решение, Терстоун позднее писал: «Была куча переписки с людьми, заинтересованными в измерении установок, но они были заинтересованы в основном отбором установочных шкал по конкретным вопросам для использования на конкретных группах людей. Это представляло очень маленький интерес с точки зрения развития теории (установок). Создание все новых и новых шкал казалось непродуктивным, и я решил прекратить любые дальнейшие работы в этом направлении. Незавершенные материалы для еще дюжины шкал установок были выброшены в корзину, и я объявил нежелательной любую дальнейшую работу такого рода в моей лаборатории. Я хотел расчистить место для работ по развитию многофакторного анализа» [20, Р. 311-312]. И в «Автобиографии», и во введении к соответствующей части вышедшего уже после смерти Терстоуна сборника ранних статей [27, Р. 213-214] говорится, что основная неудовлетворенность была связана с сиюминутным и слишком «прикладным» характером интереса социологов и социальных психологов к шкалам установок. Терстоуну же любая «актуальность» и ангажированность ученого казалась несовместимой с ценностями науки. Поэтому он, подводя итог периоду своего интереса к проблемам измерения в социальных науках, весьма пессимистически оценивает будущее социальной психологии (и социологии) как рациональной и количественной науки: «Следует поставить вопрос, в какой мере развитие молодой науки должно находиться под давлением сиюминутных ведущих проблем. Возможно, главная причина очень низкого престижа социальной психологии состоит в том, что многие авторы в этой области явно преследуют личные цели. Сомнительно, чтобы можно было быть пропагандистом и ученым в одной и той же области в одно и то же время. Сходные комментарии могут быть сделаны применительно ко многим социальным исследованиям. Часто оговаривают, что социальные явления столь сложны, что сравнительно простые методы наук постарше неприложимы. Этот аргумент, вероятно, ложен... Принципиальная трудность состоит в том, что эксперты в этой области часто враждебны науке. Они пытаются описать тотальность ситуации и часто ориентируются на рынок или предстоящие на следующей неделе выборы.

Они не понимают захватывающего интереса открытия некоторого рода инвариантности, которая никогда не покрывает всю целостность любой ситуации» [20, Р. 312]. Помимо явно выраженного мотива, вероятно, присутствовал и еще один, с которым было связано раздражение Терстоуна против подчеркивания «особой сложности» социальных явлений и невозможности Терстоуна понять целое. Терстоун воспринял как неконструктивную и бесплодную ту манеру критической аргументации, в которой велись споры о возможности измерения установок. В небольшом комментарии к статье Нетлера и Голдинга о валидации шкал установок методом «известных групп», написанном пятнадцать лет спустя, он затронет тему бурных дискуссий по поводу данного им определения установки и возможности и целесообразности измерения ее эмоционального компонента, которые были вызваны его первыми же работами в этой области: «Я пытался избежать спора, уточняя свою позицию, тогда как лучше было бы игнорировать его» [27, Р. 321].

Метод Терстоуна оказал громадное влияние на социологию и социальную психологию. В конце 1920-х и начале 1930-х годов начался настоящий бум конструирования шкал в терстоуновском стиле (особенно шкал равнокажущихся интервалов) по таким темам, как война, расовые отношения, закон, Бог, профессиональная подготовка социальных работников, «сухой закон», немцы, американская Конституция, смертная казнь, патриотизм, цензура, коммунизм, контроль рождаемости, посещение воскресной службы и многие другие. Сам Терстоун не считал, что установки должны измеряться только через вербальные индикаторы (мнения) и полагал, что реконструированная из декларируемых мнений шкала выражает лишь определенный аспект установки. Он отмечал, что мнения могут расходиться с реальным поведением. Вместе с тем, измеряя установки, отражающие то, как респондент хотел бы «подать» себя, мы тоже можем получить достаточно полезную информацию [26, Р. 9]. Кроме того, поведение может точно так же служить «фальсификации» истинных установок, как и мнения.

«Терстоуновский бум» не способствовал, с одной стороны, критическому осознанию внутренних ограничений, присущих новому подходу (что и вызвало недовольство самого Терстоуна — носителя высокой экспериментальной культуры, сложившейся в психофизике), и, с другой стороны, препятствовал осознанию того, что эти ограничения связаны не столько с несовершенством самого измерения, сколько с тем способом концептуализации, который ему предшествует. Что влияет на выбор определенного суждения: «Я-образ» или «Я-кон-цепция» респондента? Измеряем ли мы стереотипную «социальную самопрезентацию» или «внутреннюю» субъективную характеристику, предопределяющую потенциальное поведение? Насколько, и в каких ситуациях, декларируемое отношение будет совпадать с «истинным», регулирующим поведение? И будет ли это совпадение связано со стремлением сохранить когнитивный баланс (согласовать высказывания и поступки) или с существованием единой «внутренней» установки, относительно которой вербальные и поведенческие индикаторы являются синонимами? Таким образом, уже первые шаги социологического измерения были осложнены недостаточным осознанием связи между концептуализацией и измерением, «стихийностью» измерительных процедур, которым не предшествовала детальная формулировка принимаемых допущений, без которой невозможна даже косвенная проверка их обоснованности.

Критические оценки терстоуновского подхода высказывались, как уже говорилось, не только его создателем. Однако сводились они преимущественно к подчеркиванию квазиэкспериментального характера процедуры (вербальные стимулы — реакция выбора) и особого характера отбора респондентов, ограничивавшего возможность обобщения. Уже упоминавшийся Стюарт Райс, в 20-е годы много занимавшийся изучением установок (динамика, влияние интервьюера, перцептивная стереотипизация под влиянием ключевых визуальных призм-

наков) отмечал, что по мере перехода от организованных тесно взаимодействующих групп с селекцией (студенты колледжа, члены дискуссионного клуба) к естественным и более многочисленным, трудно рассчитывать на возможность контролируемого измерения, валидность шкалы при отсутствии случайного отбора экспертов и использования для испытуемых со слишком низким и слишком высоким образовательным уровнем.

Сэмюэл Стауффер, диссертация которого (1930 г.) была посвящена сравнению результатов использования терстоуновских шкал и качественных методов (анализ свободных высказываний), продемонстрировал сходство получаемых оценок, но вместе с тем считал, что качественный анализ автобиографических высказываний незаменим и для исходной формулировки шкальных высказываний, и для интерпретации получаемых количественных результатов.

Следующим шагом в измерении установок явились сумматорные шкалы Лайкерта. В своей диссертации 1932 года Рэнсис Лайкерт предложил альтернативу терстоуновской шкале, исключавшую использование экспертных оценок. В методе «суммированных рангов» первоначально использовались разные форматы вопросов: от простых альтернативных, априорно упорядоченных между полюсами установки, до измеряющих степень согласия с отдельным высказыванием (с разным числом градаций) [29]. Около двух сотен исходных вопросов были затем распределены по тематически различным шкалам (расовая сегрегация, национальные референдумы, отношение к воинской повинности и т.д.). Дальнейший отбор пунктов проводился апостериорно, по критерию внутренней согласованности. Этот подход к эмпирической валидации применялся в психометрике и ранее. Лайкерт не использовал вычислительно трудоемкую процедуру коррелирования с суммарным баллом (репрезентирующим «общий фактор» теста), а проанализировал «дискриминативность» пунктов для «крайних групп», выделенных по суммарному баллу. Лайкерт обнаружил высокую корреляцию оценок по своей и терстоуновской шкале, при большей надежности первой для малого числа пунктов. Изначально Лайкерт использовал Z-оценки для сравнения разноформатных вопросов, но затем перешел к единой пятибалльной системе оценок, так как результаты оказались практически идентичны. Шкала Лайкерта основывалась на еще менее ясных теоретических предположениях, чем шкала Терстоуна, но была значительно удобнее в массовых обследованиях. Поэтому, хотя дискуссии о сравнительных достоинствах двух методов продолжались, она стала широко использоваться и также приобрела «классический» статус.

Лайкертовская шкала стала частью проекта Г. Мерфи, нацеленного на преодоление разрыва между количественными и качественными методами, но и здесь, как отмечает Дж. Конверс, «материалом» для проведения многочасовых тестов и источниками написанных в свободной форме «автобиографий» были те же студенты-добровольцы [1, Р. 74], участвовавшие в повторных почтовых опросах и после окончания колледжа. В реализации проекта Лайкерт и Мерфи столкнулись с большим количеством «измерительных» проблем. Как измерять «контекстуальные» переменные, оказывающие наибольшее влияние на установку (особенности родительской семьи, «круг чтения», о которых респонденты упоминали в свободных «автобиографиях»), как разделить «эффект созревания» и влияние макросоциальных изменений (повлияла ли на уменьшение политического радикализма бывших студентов Великая Депрессия или дело в приобретении жизненного опыта и новой ролевой идентичности)? В написанной по результатам исследования книге [30] этим и другим проблемам планирования неэкспериментальных исследований и измерений было уделено значительное внимание.

Проблемы сбора данных, сравнительных достоинств полевых и аудиторных исследований, личного интервью и заполняемого респондентом опросника, учета

влияния личности интервьюера в начале 30-х годов привлекли внимание и многих других исследователей, преимущественно ориентированных на прикладную науку (промышленная психология и социология). Содержательные же проблемы измерения в этот период воспринимались скорее как «кабинетные» тонкости, учет которых обходится дорого и не обещает быстрых результатов. Развитие новых подходов к измерению в социологии тормозилось академическими, университетскими рамками исследований установок. Отсутствие фондов и доступа к большим выборкам ограничивало объект исследования «населением колледжей» и не позволяло проводить серьезные эксперименты для совершенствования методики измерения. Вместе с тем 30-е годы стали периодом становления крупномасштабных выборочных социальных обследований, возникновения института опросов общественного мнения и все большей заинтересованности практически ориентированных социологов и политологов в квантификации (при наличии сложившейся системы финансовой поддержки этих исследований со стороны правительственных и неправительственных организаций). Этим двум традициям (академической и «полстерской») предстояло слиться, и последствия этого слияния, произошедшего в годы войны, оказали существенное и весьма неоднозначное воздействие на подходы к социологическому измерению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Converse J.M. *Survey Research in the United States: Roots and Emergence, 1890—1960*. Berkley: Univ. of California Press, 1987.
2. Harrison S.M. *Development and Spread of Social Surveys // A Bibliography of Social Survey*. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1930. P. XI—XVIII.
3. Rudemick C.A. *The Uses and Abuses of the Questionnaire Procedures // Journal of Applied Psychology*. 1930. Vol. 14. P. 32—41.
4. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. *Современная социальная психология на Западе*. М.: Изд-во МГУ, 1978.
5. Allport G.W. *Attitudes // Handbook of Social Psychology / Ed. by C. Murchison*. Worcester: Clark Univ. Press, 1935. P. 798—884.
6. Mika S. *Psychologia spoleczna*. Warszawa: Panstwowej Wyd. Naukowe, 1982.
7. Murphy G., Murphy L., Newcomb T. *Experimental Social Psychology*. Revised ed. New York: Harper, 1937. Ch. 13.
8. Bulmer M., Bulmer J. *Philantropy and Social Science in 1920s: Beardsley Ruml and the Laura Spelman Rockefeller Memorial, 1922-1929 // Minerva*. 1981. Vol. 19. P. 347—407.
9. Adorno T.W. *Sociology and Empirical Research // Critical Sociology: Selected Reading / Ed. By P. Connerton*. N.Y.: Penguin Books, 1976. P. 225—236.
10. Pollock F. *Empirical Research in Public Opinion // Critical Sociology: Selected Reading / Ed. by P. Connerton*. N.Y.: Penguin Books, 1976. P. 22.
11. Oberschall A. *The Institutionalization of American Sociology // The Establishment of Empirical Sociology: Studies in Continuity, Discontinuity, and Institutionalization*. N.Y.: Harper ft Raw, 1972. P. 187-251.
12. Rice S. *Quantitative Methods in Politics*. N.Y.: A. Knopf, 1928.
13. Allport F.H. *The Group Fallacy in the Social Science // Am. Journ. of Social*. 1923—1924. Vol. 29. P. 688—703. Bogardus E. *Discussion // Ibid*. P. 703—704.
14. Lundberg G.A. *Foundations of Sociology*. N.Y.: The Macmillam Comp., 1939.
15. Odum H.W. *American Sociology: The Story of Sociology in the United States through 1950*. N.Y.: Greenwood Press, 1969.
16. Park R.E. *The Concept of Social Distance // Journal of Appied Sociology*. 1924. Vol. 8. p. 339-344.
17. Bogardus E.S. *Measuring Social Distance // Journal of Applied Sociology*. Vol. 9. P. 299-308.
18. Bogardus E.S. *Immigration and Race Attitueds*. Boston: D.C. Heath, 1928.
19. Allport F.H. Hartman D.A. *The Measurement and Mottvation of Atypical Opinion in a Certain Group // American Political Science Review*. 1925. Vol. 19. P. 753-760.
20. *A History of Psychology in Autobiographies / Ed. by E. Boring A.O*. Vol. IV. Worcester, Mass.: Clark Univ. Press, 1952. P. 295—321.
21. Вудвортс Р., Шлосберг Г. *Психофизика II. Методы шкалирования // Проблемы и методы психофизики / Под ред. А.Г. Асмолова и М.Б. Михалевской*. М.: Изд-во МГУ, 1974. Ч.1. С. 174—228.

22. Thurstone L.L. The Method of Paired Comparisons for Social Values // *Journal of Abnorm. and Social Psychology*. 1927. Vol. 21. P. 384—400.
23. Thurstone L.L. An Experimental Study of National Preferences // *Journal of General Psychology*. 1928. Vol. 1. P. 405—425.
24. Thurstone L.L. Attitudes can be Measured // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33. P. 529—554.
25. Thurstone L.L. The Measurement of Opinion // *Journal of Abnorm. and Social Psychology*. 1928. Vol. 22. P. 415—425.
26. Thurstone L.L., Chave E.J. The Measurement of Attitude. A Psychophysical Method and Some Experiment with a Scale for Measuring Attitude toward Church. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1929—1964.
27. Thurstone L.L. The Measurement of Values. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1959.
28. Rice S.A. Statistical Studies of Social Attitudes and Public Opinion // *Statistic in Social Studies*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1930.
29. Likert R., Roslow S., Murphy G. A Simple and Reliable Method of Scoring the Thurstone Attitude Scale // *Journal of Social Psychology*. 1934. Vol. 5. P. 228—238.
30. Murphy G., Likert R. Public Opinion and Individual: a Psychological Study of Student Attitudes on Public Questions, with a Retest Five Years Later. [1938] 1967. N.Y.: Russel.